

Рисунок Ю. СМЕРНОВА.

ПОЧИН ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

КРОКОДИЛ

№ 21 (1563) • МОСКВА • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 38-й • ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. • 30 ИЮЛЯ 1959

г. Краснотурьинск. Как сообщают нам местные радиолюбители, на родине изобретателя радио А. С. Попова днем с огнем не сыщешь батареи для передатчика, конденсатора или обыкновенной радиолампы. В избытке имеются только элементы сопротивления... со стороны тов. Щербины, управляющего Свердловской межобластной базой «Роскультторга», и тов. Кожуркова, заведующего торговым отделом той же организации, не желающих обеспечить город радиолампами.

Что сказал бы Александр Степанович Попов, узнав об этих «эфирных» помехах?

П. ЮРЬЕВ

с. Тургай (Кустанайская область). Молочнотоварные фермы девяти колхозов Джангильдинского района полностью обеспечены тульскими сепараторами. Отличные сепараторы! Только почему-то не хотят работать без копейной детали — резинового кольца. А оно быстро изнашивается. Где взять новое?

Писали мы в Тульский совнархоз — отвечают: «Мы бы не против, да вы не наши». Писали в свой, Кустанайский совнархоз — отвечают: «Мы бы всей душой, да завод не наш». Писали «Коопторгу» — тоже ничего не получили. А сепараторы без колец не работают, хоть брось!

Одним словом, попали наши сепараторы в заколдованное кольцо. А ведь за каждый по две с половиной тысячи плачено!

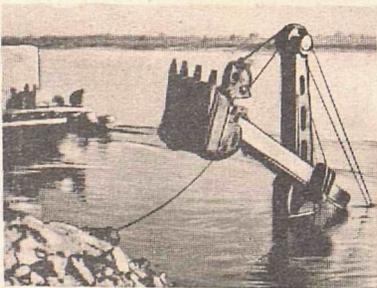
С. КУЙКЕНТАЕВ,
заведующий МТФ

г. Москва. Как понимать таксу, установленную на территории Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства, за катание на тройке рысаков?

Удовольствие, длящееся одну — две минуты, стоит три рубля. Бричка берет «на борт» одновременно восемь человек. Если за один километр пути пассажир турбовинтового самолета платит 23 копейки, то это же расстояние на тройке обходится в 7 руб. 50 коп.

В. БЮР

СМЕЛЫЙ ШАГ

Этим дивным пейзажем можно полюбоваться на Полтавщине, в Чигиринском механизированном гранитном карьере. Вот как далеко шагнули механизаторы Прямо в Днепр...

А. ГЕРАСИМОВ

г. Брянск, Полтавской области.

ст. Баская (Пермская область). На собрании, посвященном окончанию учебного года, лучше всех выступал тов. Скрабелинский. Как представитель шефствующего над школой Гремьянского леспромпхоза, он заявил:

— Мы не смогли принести сюда свой подарок: он слишком велик. В этом году вы получите от нас новое просторное, светлое школьное здание.

Правда, все знают, что школу строит не леспромпхоз, а совсем другая организация. И не на деньги леспромпхоза, а по бюджету района. Но школьники — народ добродушный, они дружно хлопали оратору.

Им и невдомек было, какое дело последует за красивым словом. Леспромпхоз тут же прекратил поставку леса, и «подарочная» стройка приостановилась на неопределенный срок. Так вот и вывернулась наизнанку старая поговорка: «Слово скажет — одарит».

Редколлегия стенной газеты
«На стройке»

Жалуюсь на отбитие ног...

Приказ № 119 начальника Главной жилищной и ремонтно-строительной конторы Куйбышевгидростроя из поселка Комсомольск тов. Буркалова гласит:

«2. Возчику Вихрову за издевательство над лошадей, за прогон лошади верхом в галоп от конпарка до строящейся школы на «Жигулевском море» по асфальтовой дороге, вследствие чего лошадь не работала с 6 по 15.6.59 года, жалуюсь на отбитие ног, — объявляю строгий выговор с предупреждением...»

Интересно, каким стилем была изложена жалоба лошади? Если стилем тов. Буркалова, то поздравить оную лошадь с высокой грамотностью никак нельзя.

А. НИКИТИН

г. Ставрополь,
Куйбышевской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Сколько, по-твоему, требуется подписей, чтобы получить со склада ящик махорки? Одна, две?

Нет, ничем не угадаешь! Накладная Новосибирской конторы Главбакалеи Министерства торговли РСФСР испещрена завитушками росписей. Здесь и неразборчивая роспись голубыми чернилами самого управляющего конторой, и красный карандаш главного бухгалтера, и фиолетовые чернила заместителя главного бухгалтера и просто бухгалтера, черный карандаш товароведа, закорючка заведующего складом и, наконец, подпись получателя. Итого семь автографов.

Я работаю бухгалтером не первый год, но никак не могу понять: зачем понадобилась такая коллек-

ция подписей? Подскажи, Крокодил, управляющему конторой, что у него есть другие, более важные дела. Махорку могут отпустить и без его высокоавторитетной подписи.

П. ДРАЖНЮК,
главный бухгалтер Куйбышевского райпотребсоюза
Новосибирской области

* * *

Ох, уж эта Росгламбакалея! Послал я, дорогой тов. Дразнюк, твое письмо в этот «Росглав» для принятия мер. Ни слуху ни духу... Видно, для ответа подписи собирают, да все одной закорючки не хватает.

Как думаешь, теперь-то найдут?

Когда повсеместно развернулась борьба с алкоголизмом и пропойцам пришлось довольно туго, на выручку им пришел не кто иной, как Таджикипотребсоюз. Его руководители сочинили и разослали циркуляр, выдержки из которого мы приводим ниже:

«...В ряде районов наряду с изъятием из продажи водки... изымаются виноградные вина, в результате чего торговля вином проходит крайне плохо и в узком ассортименте... Поэтому торговое управление Таджикипотребсоюза настаивает немедленно принять необходимые меры по устранению вышеуказанных недостатков по организации торговли спиртными и безалкогольными напитками и организовать широкую торговлю водкой, виноградными винами, соками и прохладительными напитками».

Убоявшись, видимо, что этого недостаточно, подписавший циркуляр зам. предправления Таджикипотребсоюза Ф. Мусаев добавил: «Дополнительно сообщаем, что разрешена продажа водочных изделий в чайных».

О. Легкий

* * *

Публикуя это письмо, Крокодил несколько опасается: а не ринутся ли после этого в чайные Таджикипотребсоюза пьяницы со всего белого света? Где они еще найдут такое чуткое к себе отношение?

Я вам пишу...

Недавно директор зерносовхоза «Донской» (Акмолинская область) тов. Исаенко получил письмо от гражданина Птичкина. Вот этот перл:

«К деректору з/с «Донской»...

Письмо от Птичкина.

Семена Петровича,

Я к вам с просьбой можно ли у вас устроиться в совхозе на любую руководящую работу...

Пропу ответить. Птичкин. Мой адрес: Херсонская область, Каховский район, зерносовхоз «Каховский».

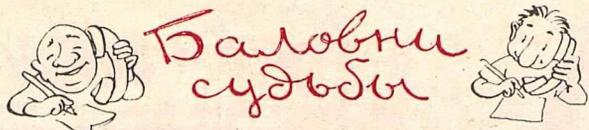
ТОВАРИЩИ! У КОГО МОЖНО УСТРОИЦА НА РУКОВОДЯЩУЮ?!

КРИК МОДЫ

Вот он, последний крик моды! Действительно, хочется крикнуть «караул» при виде такого уникального изделия ширпотреба. Видно, много думали-гадали авторы этого шедевра портняжного искусства — работники швейной фабрики в городе Касли (Челябинский совнархоз), — как с наибольшим эффектом удовлетворить взыскательный вкус покупателя, и в конце концов решили: быть с ним просто на короткой ноге.

Баловни судьбы

КАЖДОЕ утро у Павла Григорьевича Амосова начинается с творческих мук. Ровно в девять ноль-ноль он садится за массивный письменный стол. Привычным жестом подвигает к себе стопку бумаги, которую с вечера заготавливает секретарша. И тут его начинает одолевать назойливый вопрос: что писать?

Амосов думает до ломоты в висках. Написать правила внутреннего распорядка? Но они уже давно висят на стене. Объявить кому-нибудь выговор в приказе? А за что? Может, обновить засиженный мухами приказ о распорядке дня? Смысла нет: мухи засидят и новый.

Сегодня за утренним чаем Амосова осенила блестящая мысль. Он схватился за нее, как утопающий за соломинку. Амосов пригласил к себе в кабинет главбуха. После взаимных радостных приветствий Павел Григорьевич поставил вопрос ребром:

- Как наши дебет с кредитом?
- Тютелька в тютельку, — бодро ответил главбух.
- Прекрасно! Над чем трудитесь сегодня?
- Составляю ведомость на зарплату.
- А вчера?
- Ее же составлял.
- Позавчера?
- Составлял...
- У нас в аппарате четыре сотрудника. Неужели так трудно составить ведомость? — удивился Амосов.

Главбух обиделся:

— Что же мне еще делать? В жмурки играть?

Отпустив работника дебета и кредита, Амосов набрал номер телефона своего соседа Михаила Федоровича Сорокина. Этот руководитель не раздумывает по утрам, как убить рабочий день. Обычно утро у него начинается читкой нового романа. Для разнообразия он отвечает на телефонные звонки. Ответил и Амосову:

— Слушаю! Да, директор завода. А-а, привет, сосед! Рад услышать человеческий голос.

Разговор был примерно такой:

— Что из восьми букв водится в Тихом океане? Корюшка? Нет, не то... Я не специалист по рыбам. Позвони Исакову Василию Федоровичу, он мастак в этом деле.

Через несколько минут Исаков поднял трубку:

— Слушаю! Да, я директор завода. А-а, привет!

И здесь велся сугубо деловой разговор:

— Что из восьми букв водится в Тихом океане? Так-так. Из восьми... восьми... Скумбрия. То-то же! Ум хорошо, а два лучше. Что? Часть дома из четырех букв? Ну, я не специалист. Звони Павлову.

Телефонный звонок неприятно поразил Павла Матвеевича Павлова. «Какой это черт вспомнил про мою душу?» — подумал он и взял трубку.

— Слушаю, да, директор! А-а, привет! Чем занят?

Павел Матвеевич замялся. Чем он занят, трудно сказать. Однако ответил:

— Как это «чем занят»? Тружусь, так сказать, решаю вопросы. Вообще-то руковожу. Что? Часть дома из четырех букв? Да это пустяк! Дверь. Это из пяти, говоришь? Угол. Не подходит? Тогда может, окно? Подошло? Ну, привет! А то дел по горло.

Телефонистки, случайно подслушав подобные разговоры, недоумевали:

— Нечего людям делать, что ли?

О ком же так неслестно отзываются телефонистки?

Все эти люди — директора предприятий. П. Г. Амосов возглавляет дирекцию ТЭЦ Павлодарского алюминиевого завода. М. Ф. Сорокин — директор Павлодарского алюминиевого завода. П. М. Павлов — директор предприятий промстройматериалов. В. Ф. Исаков — директор Павлодарского комбайнового завода. К ним для полноты картины надо еще добавить С. Г. Гаспаряна — директора мясокомбината и молочного завода, Т. И. Гамаюнова — директора Калкманского соляного промысла.

Все они возглавляют несуществующие предприятия. ТЭЦ нет еще даже в проектах. На площадке алюминиевого завода только-только приступили к работам. То же самое на других предприятиях. Их еще нет и в помине, но аппарат управления уже налицо. На содержание ста специалистов расходуется свыше двух миллионов рублей.

Этот аппарат — наследие старой управленческой неразберихи, когда заказчиками выступали директора строящихся предприятий. Они же были «толкачами» — подгоняли строителей. Теперь и строитель и заказчик один — Карагандинский совнархоз. Зачем же ему столько дирекций? Для высживания зарплат?

Высживают!.. И по-прежнему от нечего делать перезваниваются, чтобы общими усилиями решить очередной кроссворд или ребус.

М. БУРЕНКОВ

г. Павлодар.

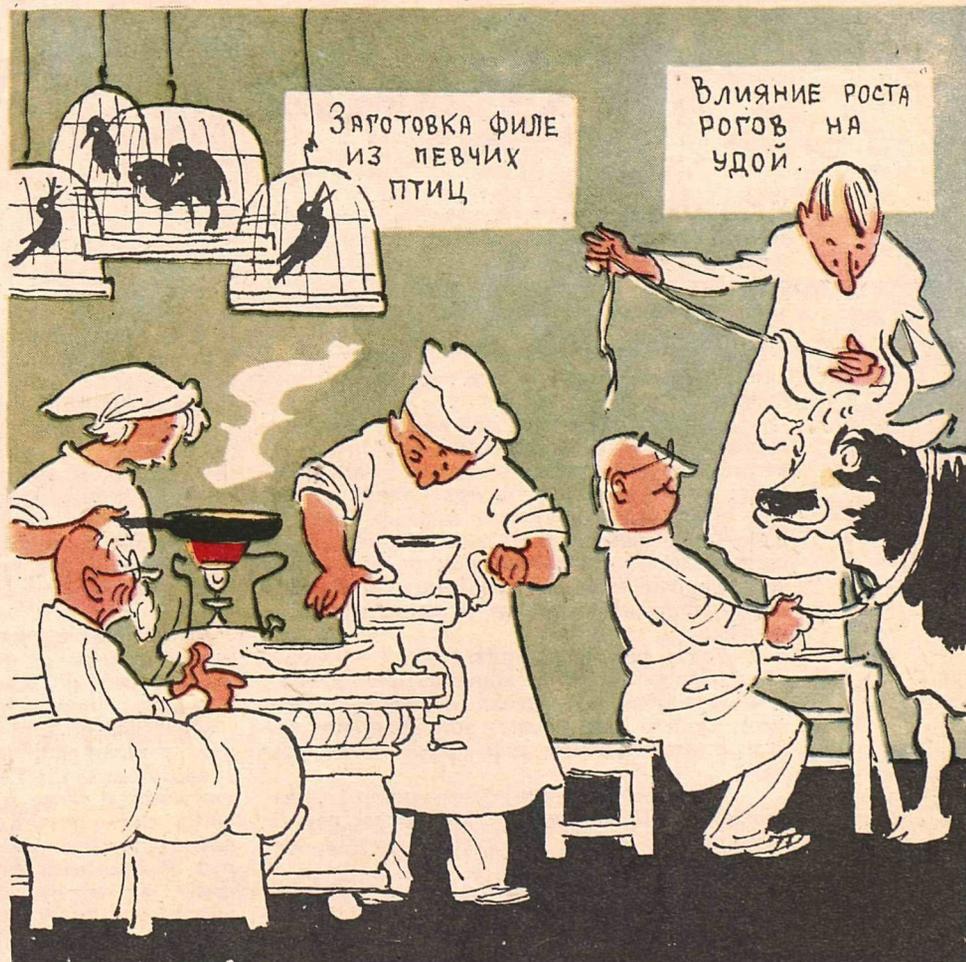
ГВОЗДЬ НОМЕРА С М О Т Р И
Д А Л Ь Ш Е

Подчас научные учреждения не имеют четкого научного профиля, не разрабатывают крупных, перспективных проблем.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

НИИ рыба...

НИИ мясо.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

Ку-ка-реку!..

На днях в Иране произошел такой случай:

Пришла курица в аптеку,
Закричала: Ку-ка-реку!
Дайте пудры и духов
Для приманки петухов!

— Простите, мадам, отчего такой ажиотаж? — спросил аптекарь.

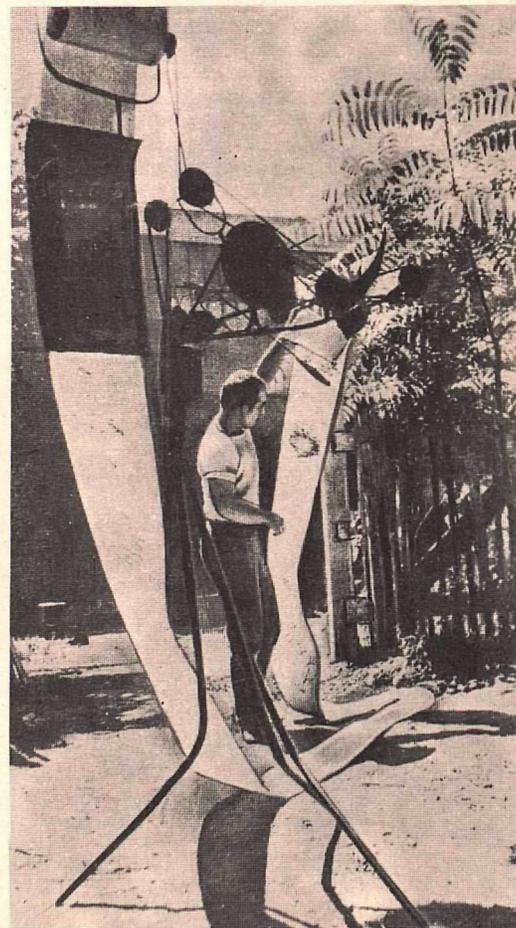
— Да вы газету «Уолл-стрит джорнэл» не читаете, что ли? Неужели не слышали: США собираются прислать в Иран партию американских петухов для улучшения породы иранских кур. Не могу же я ударить в грязь лицом перед рос-ко-ко-ко-шным заграничным пернатым мужчиной!

В то время как куры ликуют, иранцы, не страдающие куриной слепотой, хмурятся. Они знают, что к американским петухам в порядке принудительного ассортимента прилагаются американские ракеты. Эти длинные смертоносные штуки трудно выдать за насесты для петухов.

А громыхнуть может так, что в иранском курятнике только пух и перья полетят...

Мото-шарлатан

Швейцарец Жан Тингели изобрел так называемую «мета-матическую машину», фабрикующую абстрактные картины. Поклонники абстрактной живописи могут получить за 5 тысяч франков «шедевр» с подписью изобретателя.

Как видно, Жан
Набьет карман —
Идея стоит денег:
Абстрактный мото-шарлатан
И мета-шизофреник
Включен на полный оборот —
Конкретный принесет доход.
Не тратя сил и нервов,
Наделает «шедевров».

Л. ШАТУНОВСКИЙ

Мирослав ШВАНДЕРЛИК

Магазин Мебельторга получил партию новых оранжевых стульев трех фасонов: первый фасон — стулья некрасивые, второй — отвратительные, а третий — просто чудовищные. Продавал эти стулья продавец Адольф Ештержик.

Едва он открыл магазин, появилась гражданка Повалилова. Увидела стулья и остолбенела.

— Мне нужны стулья для наших молодоженов, — сказала Повалилова, — но чем покупать такую гадость, пусть уж лучше они сидят на ящиках из-под маргарина!

— Воля ваша, — ответил Адольф Ештержик, — если вам нравятся, вы, конечно, можете сидеть на ящиках, как потерпевшие кораблекрушение на Гавайских островах. Меня ваши невзгоды не выведут из равновесия.

— Ладно, все же я куплю стулья, — позорно капитулировала гражданка Повалилова.

— Пожалуйста, — сказал Адольф Ештержик, — какие вам угодно: вот эти некрасивые, отвратительные или прямо чудовищные?

— Эти вот, некрасивые, — прошептала гражданка Повалилова и дрожащей рукой нащупала в сумке кошелек. Покупка состоялась.

Спустя некоторое время в магазин явился гражданин Буяр. Ему тоже нужны были стулья. Выставленный товар привел его в ужас.

— Если бы вы пришли несколькими минутами раньше, — утешал его Ештержик, — вы могли бы еще купить стулья некраси-

вые. А вот теперь вам нужно довольствоваться отвратительными или даже вот поистине чудовищными.

— Я не турок, — сказал гражданин Буяр, — и не могу сидеть на полу по-турецки. И никто не заставит меня делать это! Если у вас нет ничего лучшего, я куплю эти отвратительные! Можете их упаковать!

После гражданина Буяра в магазин зашли молодожены Гудаловы. Они мечтали о стульях. И Ештержик показал им стулья.

— Слишком оранжевые, — протянула жена, — и фасон у них чудовищный!

Муж молча согласился.

— Очень сожалею, — сказал Ештержик, — но других у нас нет.

Но так как других не было, молодожены купили эти чудовищные.

Вскоре после этого Мебельторг подвергся резкой критике за недоброкачественную мебель. Директор Пажутек проверил положение на фабрике и написал следующее:

«Критика нашего предприятия до некоторой степени справедлива. Действительно, оранжевые стулья были некрасивы, отвратительны и даже чудовищны. Но большая часть вины лежит на потребителях, которые постоянно требуют от нас таких товаров. В доказательство можно привести тот факт, что все оранжевые стулья в настоящее время полностью распроданы».

Затем директор Пажутек сладко потянулся и подписал приказ о выпуске светло-голубых диванов в нежно-бежевую клеточку.

Перевод с чешского М. ТЕСАРЖА.

КОГО ЖДЕТ ПАРОХОД?

На Волге широкой,
За Стрелкой далекой,
Гудками кого-то зовет пароход...
Эта песня однажды вечером
проникла сквозь открытое окно
приемной Горьковского медицин-
ского вытрезвителя.

— А кого он зовет? — строго
возобновил опрос дежурный
старшина милиции. — Ну, отвечай-
те же!

Опрашиваемый, здоровый па-
рень в сером костюме с грязными
пятнами на локтях, тарачит за-
плывшие глаза. Ведь он уже отве-
тил на все вопросы протокола:
фамилия — Борин, звать Борис
Иванович, работает грузчиком в
Горьковском речном порту, воз-
раст — 25 лет... Ничего не утаил,
деньги за вытрезвление уплатил,
все по закону. А тут еще вопросы!

— Повторяю! — сердится стар-
шина и сдвигает фуражку на за-
тылок. — Гуд-ка-ми кого-то зо-
вет па-ро-ход? Кого, спрашиваю,
он ждет?..

Измятое лицо Борина озаряется
наконец улыбкой:

— Гы-гы... Известно, кого:
влюбленных!

— Эх, ты, «влюбленных»! —
укоризненно качает головой стар-
шина и опять загорается гневом: — Грузчиков ждет пароход!
Тебя ждет! Тоже, влюбленный!
В водку... Да посмотри, на кого
ты похож! На грузчика-забудды-
гу из проклятого прошлого. Где,
бывало, свалится с ярмом на пле-
чах, там и ночует. А тебя в новое
общежитие поселили, со всеми
удобствами. И работа совсем не
та: транспортеры поставлены об-
служивать, краны, электрокары...
Ты прогулял, так из-за тебя и ме-
ханизмы стоят. Ну, скажи мне,
Борин: как было дело?

— Да как было? Повстречались
мне в магазине Хайретдинов и
Хакимов, наши же грузчики. Да-
вай, мол, трезьим на пол-литру.
Давай, говорю. Ан мало. Потом
повторили, потретили...

— А теперь, поди, оправдывать-
ся станешь перед начальством: за-
болел, дескать? Вот сообщу по
месту работы о причине невыхода.
Выгонят тебя из бригады, бу-
дешь знать.

— Гы-гы! Не выгонят! Вон
Шурка Мамаев и Валька Скоро-
думов по целой неделе захваты-
вают... Уж как их ни гнали, а не
выгнали. Написал бригадир ра-
порт начальнику участка, началь-
ник — управляющему порта,
управляющий — своему заместите-
лю по кадрам, заместитель — в
портовый комитет профсоюза: дай-
те, мол, санкцию на увольнение...
Вызвали друзей на заседание.
Пришли. Совсем даже трезвые.
Ждут час, ждут другой, третий, а
комитету не до них: свои проф-
союзные мероприятия обсуждают.
Вот Шурка и Валька и ушли в
ресторан. А рапорты вернулись из
комитета обратно к бригадиру.
А вы говорите, выгонят!

— Ну ладно, — не сдастся стар-
шина милиции. — Не выгонят, так
хоть обсудят. Выступит бригадир
и доложит: дескать, такой-то на-
пился и прогулял.

— Наш бригадир доложит? —
иронически усмехается допраши-
ваемый. — Купцов-то, Иван Алек-
сеевич? Гы-гы! Я хоть и напился,

так на улице, а он в порту, при
исполнении бригадирских обязан-
ностей! И то на собрании не до-
кладывали. Как же он про меня
докладывать станет?

— Ну, не бригадир, так доло-
жит кто постарше. Скажем, ма-
стер участка.

— Не мастер ли Власов, Але-
ксандр Иванович? — воскликнул
грузчик, обращаясь не к старшине,
а к двум рядовым милиционерам,
которые как раз ввели под мышки
нового клиента, нуждающегося в
вытрезвлении.

— Он самый, мастер погрузоч-
ных работ. Нагрузился, — ответи-
ли рядовые.

— Но послушай, — стал угова-
ривать старшина грузчика и даже
папироску предложил, — ведь
большинство портовиков — люди
трезвые и дисциплинированные.
В тысячном коллективе только и
набралось сегодня шестьдесят
прогульчиков. Однако если так
будет после каждого воскресенья
да каждой получки... Вот в про-
шлогодную навигацию было две
с половиною тысячи прогулов.
Осталось из-за этого сто тысяч
тонн переработанных грузов.
Три с половиною миллиона рублей
убытка!.. Слышишь?

— А? Что? — поднял голову
прикорнувший было грузчик.

— Ну ладно, иди. Что с тобой
тут толковать! — с досадой сказал
старшина и отдал документы.

И по-прежнему слышны у
Стрелки призывные гудки паро-
хода:

— Жду-у-у-у-у гру-у-зо-ов!..

Д. АРКАДЬЕВ

г. Горький.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ...

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный», — писал великий русский поэт Пушкин, начисто отвергая материальную сущность данного поня- тия. А Маяковский и вовсе наплевательски относился ко всяким памят- никам из бронзы, мрамора и т. п.

Хозяйственные руководители Камчатской области иного мнения, чем великие поэты. Памятник, считают они, — это вещь сугубо рукотворная и материальная.

Стоит только взглянуть на западное побережье Камчатки, особенно в районе поселка Октябрьский, как взору вашему представится все ве- личие дерзновенного полета фантазии строителей.

Вот перед вами памятник... простите, фундамент засольного цеха, воздвигнутый лет восемь назад на мысе Левашева. Неизвестный архи- тектор заочно проектировал строительство, а потому, не зная местно- сти, поставил сооружение под удары морских волн. И возвышается этот памятник стоимостью в 120 тысяч рублей на радость своим со- здателям.

А рядом еще один фундамент — засольного цеха 1-го рыбзавода. То- же памятник, правда, скромнее, ему цена 60 тысяч рублей.

Несколько подальше — фунда- мент под школу. Школа почему- то не пожелала утверждаться на предназначенном для нее месте и ушла метров на 400 в сторону. А на огромном фундаменте, как грибок, вырос жилой домик. Но домику явно не по себе: под ним основание в 250 тысяч рублей.

Жители поселка Октябрьский крайне обеспокоены. До каких же пор их поселок будет обогащать- ся памятниками, или, как опреде- ляется в словаре, «остатками ма- териальной культуры»?

А. ИВАНОВ, Я. ЗДОРЕНКО

пос. Октябрьский,
Камчатской обл.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Председатель Разинского сельсовета, Шемонаихинского района, Восточно-Казахстан- ской области, тов. Павлов инициативно и находчиво расши- ряет область своей деятельно- сти. Именно об этом не- двусмысленно и прямо сказа- но в официальном письме, кото- рое сельсовет недавно разослал депутатам:

«Исполком... доводит Вам за- дание повести Разъяснительную работу среди излишнего скота, содержащего в личной собст- венности...»

Конечно, иметь излишний скот в личном хозяйстве не очень хорошо, но писать та- кие бумаги еще хуже.

ХОЗРАСЧЕТ НАОБОРОТ

В чугунолитейном цехе Харьковского завода транспортного машино- строения имени Малышева выпи- сан наряд бригаде Ковалевского на работу, на которую по норме времени положено затратить 15 се- кунд. Бригаде начислено восемьде- сят пять сотых копейки.

Наряд бригаде строга
Оформила нарядами.
А графы очень многие
На том наряде значатся!

Работа обозначена:
Что принято, что подано,
И время, что затрачено,
И сколько заработано.

Секунды занимается
Бригада той работой,
За это причитаются
Копейки доли сотые.

А если причитаются,
То все оформить следует!
И «сумма» подтверждается
Лицом, что этим ведает.

Есть виза нормировщика,
Штамп ОТК под визую,
И мастер подпись с росчерком
Свою поставил снизу.

Все этим не кончается:
Наряд дооформляется,
Идет он по инстанциям
К машинно-счетной станции.

На станции работают,
И день и ночь считают...
Копейки доли сотые
В копеечку влетают!

Л. ГАЛКИН

Рисунок Б. САВКОВА.

— Почему у вас такое дорогое молоко!
— Так ведь из ситного с изюмом.

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

ГРИГОРИЙ Александрович Бондаренко, председатель Сентгелеевской сельхозартели, стремительно ворвался в правление колхоза, немало перепугав находящихся там членов правления.

— А ну, давай все сюда! — скомандовал он. — Родилась у меня одна идея. Как вы думаете, высока у нас себестоимость продукции?

— Ох, высока! — дружно вздохнули правленцы.

— Ругают нас за это дело?

— Еще как! Почитай, на каждом районном совещании да заседании. Слушать тошно!

— Мне тоже, — деловито подтвердил председатель. — Вот я и хочу объявить поход против высокой себестоимости. И начнем этот поход с яйца.

— Правильно! Яички у нас золотые: десятком обходится по девять рублей с хвостиком.

— У нас и курятинка золотая, — доверительно сказал Бондаренко. — А почему, позволите спросить? Нет помещений! Птицу приходится отдавать на содержание частным лицам. А те, конечно, дерут с нас семь шкур. Нет, не будет нам, друзья, радости, если мы не наведем в этом деле порядок. Цыпленок, он тоже хочет жить. И жить культурно. Поэтому я предлагаю: построить птицефабрику, тысяч этак на двадцать — двадцать пять несушек да тысяч на сто голов молодняка. С таким количеством хохлаток колхоз просто разбогатеет, денег куры не будут клевать!

— Гм... А во сколько обойдется птицефабрика?

— Сущие пустяки: не более двух с половиной миллионов. Зато всю округу дешевыми яйцами завалим, в каждой семье котлеты «деволяй» будут жарить!

Зачесали подбородки члены правления: председатель дело говорит! Немалые доходы может получить колхоз от птицефабрики. Пожалуй, надо его поддержать.

И поддержали. И пошел по Сентгелеевке звон-перезвон, затюкали топоры, загрохотали бетономешалки. Председатель день и ночь по строительным подмостям метеором носится, деловито покрикивая:

— А ну, удалцы-молодцы, давай-нажимай! Уж больно хочется скорее дешевого омлета поесть!

И вдруг (произошло это, когда фабрика была уже процентов на 80 готова) умолк председательский голос.

Некоторые даже забеспокоились: не заболел ли?

Все объяснилось очень скоро. Г. А. Бондаренко снова стремительно ворвался в правление.

— А ну, давай все сюда! — послышалась знакомая команда. — Родилась у меня идея: поскольку птицеводство мы уже наладили, давайте теперь снижать себестоимость по линии молока. На данном этапе молоко — продукт самый политический. Заведем на фермах электродойку и зальем дешевым молоком всю округу. Пускай люди нам на радость с сентгелеевским творогом ватрушки кушают, в сентгелеевскую сметану вареники макают.

Переглянулись правленцы, пошептались. Прав ведь председатель! Откуда же дешевому молоку взяться, ежели за каждой коровой по несколько человек ухаживают!.. Вот и дошло молочко до 150 рубликов за центнер!

— Ну, как будем решать, удалцы-молодцы? — нетерпеливо понукал председатель. — Высокую механизацию заводить, рабочую

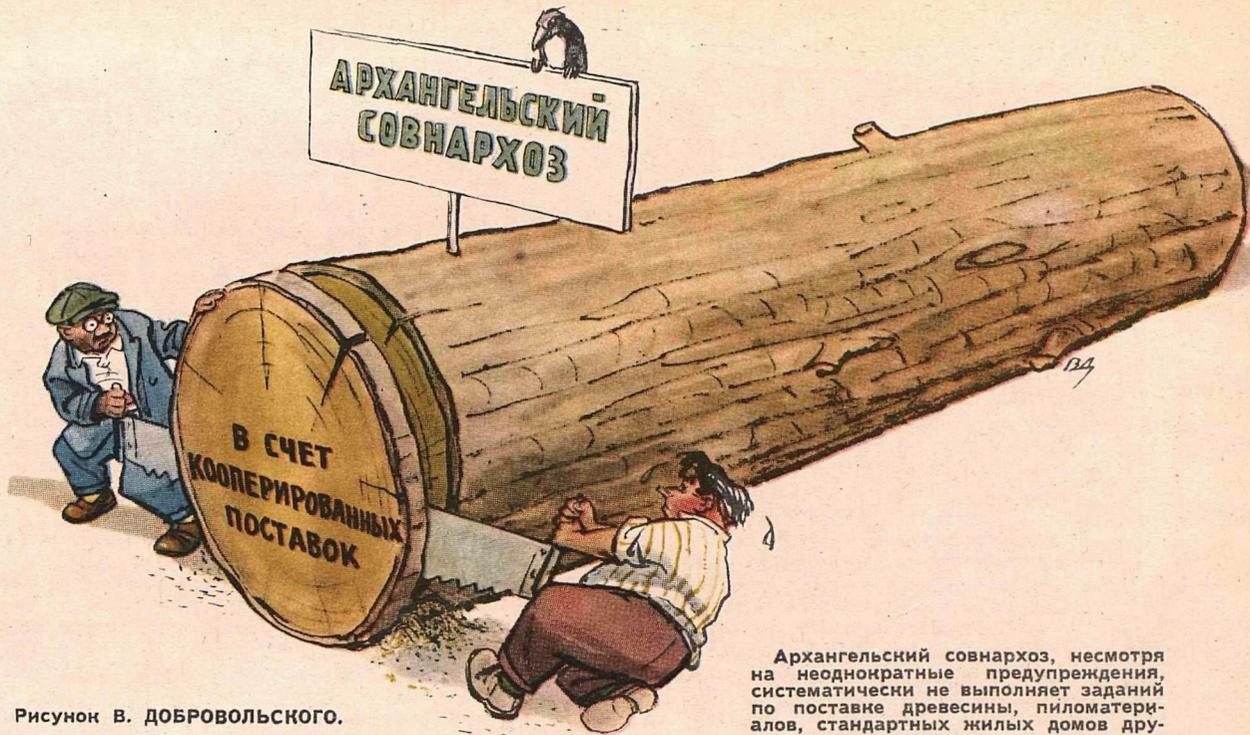

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Архангельский совнархоз, несмотря на неоднократные предупреждения, систематически не выполняет заданий по поставке древесины, пиломатериалов, стандартных жилых домов другим совнархозам.

Лесная быль.

силу высвободить или прабабушкиными способами перебиваться?

Не пожелали члены правления более терпеть прабабушкиных способов и выделили деньги на электродоильные агрегаты, купили и торжественно привезли в колхоз. Председатель собственноручно каждый винтик перещупал: не повредили ли чего, упаси бог, в дороге!

Незаметно промелькнуло еще два года. И снова утренней порою раздалось в правлении:

— А ну, давай все сюда! С птицей наладили?! С молоком утрясли?! Нечего топтаться на месте! Теперь навалимся на свинину. Вы задавали себе вопрос, почему свиньи у нас такие заморыши, что про них в округе даже поговорку сложили: «Захи-

не выдержали, насели на председателя.

— Ты что же, такой-сякой, делаешь? Птицеферму на двадцать процентов недостроил. Электродоильные агрегаты до сих пор в кладовой лежат. Из пяти свиначьих дворцов ни одного до конца не довел. Хрюшек в младенческом возрасте распродают направо и налево. О разовых опоросах думать позабыли, ибо поросят и от маточного поголовья девать некуда. Центнер свинины догнали до двух тысяч двухсот сорока одного рублика!

Понурил голову Григорий Александрович.

— Правильно, ругайте меня, окаянному, — вздыхал он. — Ну, не вытанцовывается у нас со снижением себестоимости, хоть тресни. Но вы, друзья, духом не падайте, я непременно что-нибудь да придумаю. Уж я такое придумаю, что враз все убытки возместим.

Сейчас сентгелеевцы каждое утро с великим трепетом прислушиваются, не раздастся ли из открытых окон правления знакомый жизнерадостный голос:

— А ну, давай сюда, удалцы-молодцы! Есть у меня еще одна идея: засучить рукава и дружно навалиться на...

И люди ломают головы: на что же придется им наваливаться — на овцеводство, кролиководство, пчеловодство, садоводство? На чем остановится неумная фантазия их председателя?

* * *

Мы попытались выяснить в Михайловском райкоме партии: знают ли там о неустанных поисках председателя колхоза Бондаренко и как райком расценивает его героические усилия в этом деле?

Первый секретарь райкома тов. Жигульский, подумав, ответил:

— Да, нам об этом известно. Старается человек, ничего не скажешь. Ну, а если что у него получается не так, мы, конечно, егоправляем.

Нам оставалось только поблагодарить тов. Жигульского за исчерпывающий ответ.

**Н. БАЖЕНОВ,
В. ФРОЛОВ,**
специальные корреспонденты
Крокодила и газеты
«Сельское хозяйство»

Михайловский район,
Ставропольского края.

рел, как поросенок из Сентгелеевки? Ухода за ними нету — вот в чем беда. А почему ухода нету? Помещения мало. Ну не свинство это с нашей стороны?!

— Гм... Что же ты предлагаешь, Григорий Александрович?

— Построить свинарники. Большие, каменные! Чтобы навеки с этим делом разделаться.

Члены правления развели руками. Опять, выходит, прав председатель на все сто процентов: свинарники и вправду нужны колхозу до зарезу.

Выделили 900 тысяч рублей и заложили пять добротных свинарников. Долго ли, коротко ли, довели их строители до крыши и... по приказу Бондаренко переключились на другие объекты.

Тут уж колхозники

ГВОЗДЬ НОМЕРА

С М О Т Р И
Н А С Т Р . 12

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ЭПОЛЕТЫ?

ДЕСЯТЬ пещерных жителей несли бревно. Нечесанные троглодиты, облаченные в шкуры мамонтов, сгибались под тяжестью ноши. Чуть пониже на том же листе фанеры был нарисован трелевочный трактор, волокащий такое же бревно. Бравый тракторист насмешливо глядел на первобытных лесозаготовителей. Пояснительная надпись окончательно посрамляла техническую отсталость малокультурных троглодитов. Она гласила:

«Современный человек — титан по сравнению со своими далекими предками».

— Ну как? Чувствуете вы себя титаном? — спросил мой спутник, с которым мы рассматривали фанерный щит, выставленный для всеобщего обозрения в таганрогском парке.

— Откровенно говоря, нет. Мне не совсем ясна пропагандистская ценность подобного рода сравнений.

— Зато она ясна маляру. Он неплохо подзаработал на наших предках. К слову сказать, непризнанные мастера кисти и неудавшиеся ваятели часто находят в нашем городе добрый кусок пирога. Вы обратили внимание на скульптуры?

Еще бы! Такие достопримечательности внешнего оформления Таганрога нельзя не заметить. Весь город заставлен скульптурной макулатурой. Видно, в свое время здесь потрудились кустари-ваятели. Каких только изваяний не увидишь в парке, на улицах и скверах! Здесь и рослые собаки, будто вывезенные из Баскервиля. Они сторожат зеленые насаждения. Гуси-лебеди, сошедшие с витрины гастрономического магазина. Могучие физкультурники с лицами тупыми, как обух топора. Девушки в туниках, что-то символизирующие, и девушки с флагами, что-то олицетворяющие. И, наконец, Руслан, поднявший Черномора за бороду, причем грозный волшебник смахивает на проворовавшегося киоскера.

Глядя на эти статуи, невольно вспоминаешь веселый рассказ Антона Павловича о том, как один врач никак не мог избавиться от канделябра с легкомысленными статуэтками, подаренного ему не в меру благодарным пациентом. Жители города, где родился великий Чехов, по злой иронии судьбы никак не могут избавиться от скульптур, правда, не фривольных, но в достаточной степени безвкусных. Статуи появились пару десятков лет тому назад благодаря стараниям одного руководящего лица, возмозвшего себя меценатом. Лицо приласкало кустарей-ваятелей, и те подсунили городу десятки бездарных копий.

Не перевелись в Таганроге меценаты и в наши дни. Недавно местные покровители искусств решили облагодетельствовать своим вниманием молодой вокальный коллектив. Когда меценаты из завкома и дирекции завода комбайнов узнали, что самодеятельность решила поставить оперу «Евгений Онегин», они строго наказали:

— Смотрите, не ударьте лицом в грязь!

— Мы не ударим. У нас способные вокалисты и опытные педагоги.

— Чтобы все было правильно и солидно поставлено! Вот скажите, в каких, к примеру, штанах будут играть оркестранты?

— В обыкновенных...

— Вот она, матушка периферия! Опера — и в обыкновенных штанах?! Да вас же в Ростове засмеют!

Оркестрантам сшили элегантные рубашки и шерстяные брюки цвета электрик.

Директор Дворца культуры комбайностроителей Альвина Михайловна Таранова быстро смекнула, с кем она имеет дело. Спустия некоторое время она снова явилась к меценатам. Разговор протекал примерно в таком ключе:

— Я насчет оперы. Со штанами получается неуязвка.

— Насколько нам помнится, мы уже финансировали это мероприятие...

— Оркестранты в новых штанах будут иг-

рать по праздникам. У трибуны. Их увидит весь город. Неудобно, чтобы в этой же форме они играли Чайковского.

Покровители искусств не догадались сказать, что Чайковского можно играть в любых брюках, лишь бы играть хорошо. Они без звука полезли в сейф и отвалили еще двадцать три тысячи рублей.

— На импортные костюмы, — сказали меценаты. — Чтобы не ударить лицом в грязь!

Как только энергичная Альвина Михайловна одела музыкантов в сплошной импорт, она снова явилась пред светлые очи богатых благодетелей.

— Неужто опять насчет штанов? — удивились меценаты.

— Вы не ошиблись. Но на этот раз я насчет брюк для самого Евгения Онегина. Понятно, ежели мы будем скупердяйничать, можно сшить этому представителю разлагавшегося дворянства какие-нибудь бедняцкие байковые штаны с вискозными штрипками. Но будет ли это соответствовать исторической правде?

— М-да, как бы тут не навалить.

— Или возьмем Гремину, типичного представителя военного сословия. Ему требуется мундир с эполетами. А вы знаете, почему нынче эполеты?

Меценаты не знали. Чтобы не было ошибки, они отвалили на костюмы ни много, ни мало — сорок четыре тысячи рублей.

Короче, исполнителей экипировали на славу. Если Гремин когда-либо жил, то он, вероятно, был одет хуже, чем его таганрогский оперный двойник.

Альвина Михайловна стала частым гостем расщедрившихся меценатов. Она брала деньги на ботфорты Гремину, на лакированную обувь, на бутафорию, на специальный занавес.

На задники (декорации заднего плана) высокие покровители подбросили двенадцать тысяч рублей. Заодно заплатили художнику три с половиной тысячи за всяческие полезные советы. Иными словами, Дворец культуры потратил на это столько же, сколько, скажем, Ростовский драматический театр расходует на новую постановку.

По самым грубым, по самым ориентировочным подсчетам, любительское представление обошлось комбайностроителям в восемьдесят тысяч рублей. Подчеркиваем, подсчеты самые приблизительные. Нам так и не удалось узнать, сколько потратило денег заводоуправление помимо завкома. Главный бухгалтер завода не решался разгласить цифры без санкции директора завода. Директора же мы никак не могли застать. Обратились к его заместителю тов. Прорерва.

— Я не имею отношения ни к спектаклю, ни к директорскому фонду. Но если бы даже я распорядился деньгами, все равно не разрешил бы сообщить цифры. Почему мы должны отчитываться перед вами?

Так ответил принципиальный и остроумный Прорерва, искренне полагая, что бесцельное расточительство денег является естественной прерогативой руководителей завода, а общественность и печать не имеют права поинтересоваться этим.

Самое удивительное заключается в том, что и в завкоме и даже в горкоме партии весьма настороженно встречают людей, интересующихся финансовой стороной дела. Пышная постановка? Неоправданные траты? Не является ли это злонамеренными нападками на молодой самодеятельный коллектив?

Между тем никто не собирался опорочивать работу кружковцев. Постановка имела успех. Она получила отличную оценку в местной печати. И прекрасно! Талантливых кружковцев следует только поздравить и пожелать новых творческих успехов. Речь идет не о них, а о меценатах. О людях, разрешающих себе производить непропорциональные расходы.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Ведь в Таганроге никто серьезно не разобрался, сколько в действительности надо было потратить на такую постановку. Расходы определялись на глазок.

Впрочем, так делается не только в Таганроге. С подобным расточительством мы встречаемся и в других городах. Невежественные меценаты не только зря растрачивают деньги, но еще вносят в чистое, родниковое самодеятельное искусство этаким купеческий дух и наслаждают дурной вкус. Это они одевают баллаетчиков в атласные жупаны, напяливают на плясунов панбархатные шаровары и парчовые жилеты. Они громоздят на сценах многотысячные декорации. Лишь бы побольше пышности, дорогих материй! Побольше треска, звона, грома литавр! Словом, на эполеты не скупиться!

А ведь Они госу советские много пострадают будут оде не в фас там вели несколько торые, кст ру и не в речения э — Дава — Наса избега ф — Остер

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Зачастую районные руководители откармливают принадлежащий им скот в совхозах.

денеги-то надо жалеть. Они не свои. Дарственные. Большие, полноценные рубли. На них можно много купить, строить. Честное слово, искусство не т, если милovidные наши девушки ты в элeгантные ситцевые платья, а юный панбархат с ядовитыми цветичной с кулак.

ему нам хочется закончить фельетон ми самодельными изречениями, когати, можно не записывать на фанешивешивать в таганрогском парке. Изти выглядят так:

йте экономить на эполетах!

ждайте самодетельное искусство, инансового кровопролития!

регайтесь меценатов!

С. ШАТРОВ

ЧТО Я ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ

Муж и жена носили фамилию Тихомировы, у них была радиола «Дружба», но они вечно воевали друг с другом.

☆

В своем научном труде он утверждал, что «не весь снег падает на землю — часть его остается на крышах».

☆

У нее только зубы были из благородного металла.

☆

Ему так много давали «на чай», что он мог круглый год пить какао.

☆

К писателю часто приходило вдохновение, но не заставало его дома... Он всегда торчал на юбилеях.

☆

Он был изысканным хулиганом. Хулиганил только во Дворце культуры.

☆

«Райпотребсоюз» завозил в район так много водки, что его стали называть «Райпохмелсоюз».

Н. ВОРОБЬЕВ

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

ПУСТЬ не пугает читателя этот заголовок: мы не собираемся писать научный трактат. Хотя тема вполне достойна трактата. И, может быть, не только научного.

В самом деле, муза удивительно несправедлива к хлебу.

Поэт-лирик фанним утром пьет кофе, аппетитно закусывает свежей сдобной булочкой и пишет стихи о... розе.

Художник, прославившийся натюрмортами, изображает на своих полотнах самые экзотические фрукты, хотя в тайниках души всем плодам земли предпочитает краюху свежее выпеченного ржаного хлеба.

Вероятно, не менее чем в десяти повестях и рассказах А. М. Горького действие происходит в пекарне или булочной. Современные же романисты этих учреждений просто не замечают.

Одна из самых знаменитых арий в опере Даргомыжского — ария Мельника:

Вот то-то ж, все вы девки молодые,
Твердить вам надобно сто раз...

Если же судить по современным произведениям искусства, то можно подумать, что в нашей стране мельницы уничтожены начисто, как уничтожена, например, малярия.

О, нет, сладкозвучная муза, ты несправедлива! Стыдись своей ветрености и легкомыслия! Не допусти, чтобы единственным литературным памятником наших дней осталась эта справка из Энциклопедического словаря:

«Хлеб, пищевой продукт, изготавливаемый из пшеничной или ржаной муки. Помимо муки и воды, являющихся осн. сырьем, при произ-ве х. используются также дрожжи, закваска, соль, иногда сахар, жиры, сода, патока, молоко, пряности (анис, тмин и др.).»

Тут я слышу негодующие возражения представителей муз:

— Позвольте, а «Поднятая целина» М. Шолохова, а «Хлеб» А. Толстого, а десятки других произведений, воспевающих труд хлебороба, человека роящего, то есть делающего, производящего зерно — исходный продукт любого хлебулочного изделия?!

Ответим кратко:

— Да, насчет исходного продукта все в порядке.

Проблема этого исходного продукта давно и навечно снята в нашей стране. И, отдавая должное хлеборобам, целинникам, мы должны отметить и музу. На пашне и ниве она потрудилась на славу.

А вот с продуктом конечным дело обстоит несколько иначе...

«Давно как следует налажена торговля хорошими хлебулочными изделиями в городах и рабочих поселках Алтайского края. Население имеет возможность покупать в магазинах хлеб и булочные изделия разных сортов и очень хорошего качества. Но есть еще такие торговые организации, где руководители не беспокоятся о качестве этого насущного продукта. К числу таких организаций относится и пекарня Зонального совхозарбкооп. Она часто выпекает хлеб исключительно плохого качества. Бывают случаи, когда хлеб совсем сырой или имеет пригорелые корки и сырой мякиш. Иногда хлеб получается чересчур кислым, иногда, наоборот, совсем пресным.»

Так пишут сотрудники Бийской селекционной станции М. Середа, М. Ярмоленко, К. Коршунова, А. Трофимова, В. Иванова и другие, общим числом 16 человек.

О плохом качестве хлеба сообщают из поселка рыбоконсервного комбината в г. Гурьеве, села Скородное, Б.-Солдатовского района, Курской области, Бельковского района, Рязанской области, из г. Боровска, Калужской области.

А. Русманов прислал в редакцию посылку с продукцией Калязинского хлебозавода, именуемой бубликами. Но назвать так эту продукцию можно лишь при очень большой фантазии. По своей прочности бублики, выпекаемые в Калязине, могут вполне соперничать с арматурой железобетонных плит, а по форме они напоминают... Впрочем, черт их знает, что они напоминают! Во всяком случае, глядя на этих уродцев, невольно приходишь к печальной мысли, что человечество навсегда утратило понятие о геометрии круга, доставшееся ему в наследство еще от звездочетов древнего Египта...

Читатель Г. Мошкарев из Горно-Алтайской автономной области пишет, что жителей Турачакского района постигли сразу два несчастья. Печи и трубы, сделанные из кирпича завода местного райпромкомбината, не выдерживают больше года — разваливаются. В противовес этому хлебопекарня села Дмитриевка выпекает такой хлеб, что его невозможно ни разгрызть, ни размочить. Г. Мошкарев спрашивает: нельзя ли поменять персонал этих находящихся рядом предприятий, чтобы одни выпускали мягкий хлеб, а другие — твердый и прочный кирпич?

В редакцию дятьковской районной газеты «Фокинский рабочий» Брянской области поступило несколько жалоб на то, что в хлебе, выпускаемом Дятьковским хлебокомбинатом, часто обнаруживаются морские камешки, куски шпатага, гайки. Редакция направила жалобы на комбинат. Ответ пришел незамедлительно:

«Вопрос о попадании посторонних предметов в хлебулочные изделия является повседневной работой партийно-хозяйственной, профсоюзной и комсомольской организаций. Просев сортовой муки ранее производился через ручное сито, в настоящее время производим через бурат, в котором установлены подковообразные магниты.»

Администрация хлебокомбината просит вас при поступлении сигналов ставить комбинат в известность.

Главный инженер комбината Булова».

Так творческая мысль тов. Буловой родила стройную, хорошо слаженную систему: покупатели извлекают из булок морскую гальку и

сигнализируют в районную газету, та ставит в известность комбинат, а партийно-хозяйственная, профсоюзная и комсомольская организации, сплотившись вокруг бурата, бодро обсуждают «вопрос о попадании посторонних предметов».

Но не будем дальше перечислять факты. И приведенного достаточно, чтобы получить представление, что пишут самодельные авторы в то время, когда молчит профессиональная муза. И о том, что она муза не может, не имеет права молчать!

В самом деле, почему мы примирились с нигилистическим отношением к хлебу, являющемуся, по удачному выражению коллектива авторов Бийской селекционной станции, насущнейшим продуктом? Один не любит мясной пищи, другой — рыбной, третьего бросает в дрожь при виде манной каши, но все трое не мыслят себе дня без хлеба. С него день начинается — им и заканчивается. И разве нельзя сделать, чтобы у каждого человека, где бы он ни находился, всегда был под рукой хлеб, такой, какого ему хочется? Например, свежая, еще теплая булочка к утреннему кофе или хрустящий хлебец к обеденному борщу и опять свежая, теплая сдоба к вечернему чаю? Разве этого трудно достичь в любом городе, любом поселке? И чтобы всюду булочная являла собой образец чистоты, культуры.

Приходилось ли вам наблюдать, как иной раз «расправляются» с хлебом в некоторых булочных, как его швыряют, тискают, мнут? Не правда ли, такая картина создает впечатление, что ты находишься не в булочной, а на дровяном складе? И не от этой ли неправомерной аналогии родилось скверное словцо «буханка», вероятно, по тождеству с выражением «бухать», «шмакать». И забыт точный термин «хлеб» по отношению к одному конкретному изделию, а «хлебы» — ко многим.

У нас нет бережливого отношения к хлебу.

Когда-то в стародавние времена ребенок, пытавшемуся бросить на землю недоеденную корку, говорили:

— Нельзя, это великий грех.

А попробуйте вы пожурить нынешних девушек в какой-нибудь общественной столовой, когда они выбрасывают на помойку остатки хлеба целыми килограммами! Обязательно услышите в ответ:

— Это раньше считалось грехом, а теперь мы все атеисты.

Еще до войны в столовых из остатков хлеба делали квас и подавали его в красивых кувшинах обедающим, получая за это с каждого лишних две — три копейки.

Сейчас кваса в столовых не делают: хлопот много, а на «вал» не накручивается.

До войны и в первые послевоенные годы во многих районах Москвы продавали горячие бублики. Румяные, аппетитные, прямо с пода. Но вместе с расширением столицы сужалась сеть бубличных. Сейчас, кажется, осталась одна — в зоопарке, если не закрыли и ее как «не соответствующую основному профилю предприятия».

Может быть, некоторые читатели помнят, как в только что открывшихся у нас специализированных магазинах «Мясо» торговали горячими мясными пирожками? Какая это была вкусная еда! Сейчас тоже торгуют мясными пирожками. Даже на улицах. Но, боже, что за начинка! А тесто! Ведь именно из такого материала Ярославский шинный завод выпускает автопокрышки, которые свободно выдерживают сто тысяч километров пробега.

Читающая публика разная. Дойдя до этого места, иной деятель хлебопекарной индустрии может сказать:

— Ну, стоит ли в наши дни вспоминать ветхий завет! Посмотрите лучше на наши хлебозаводы и булочные-автоматы, полистайте лучше наши прейскуранты. Здесь больше трехсот наименований!

Стоит! У нас в стране хлеб самый дешевый. И мы имеем в виду не триста изделий вообще, а несколько, и опять-таки самых дешевых, которые пользуются спросом. И они должны быть отличного качества.

Заводы-гиганты необходимы нам в больших городах. Но разрабатан ли тип экономичного микроразвода, который обслуживал бы один поселок или несколько деревень? А ведь у нас есть научно-исследовательский институт хлебопекарной промышленности, и, вероятно, не один.

А кто готовит у нас пекарей? Помнится, на маленьком рыбозаводе в дельте Волги работала тетя Саша, простая русская женщина из Калуги. Она не была ударницей, ее портрет не красовался на доске почета. Но все рабочие, и старые и молодые, встретив тетю Сашу, уважительно с ней здоровались. Потому что тетя Саша лепила для них хлебы. Чудесные, ароматные хлебы!

Конечно, с современной точки зрения, тетя Саша была глубоко отсталой: она месила тесто руками. Но эту «отсталость» отмечала одна немаловажная черта: тетя Саша проводила бессонные ночи у своего теста из-за желания доставить радость людям. Учат ли этому будущих технологов на хлебопекарных отделениях наших пищевых вузов?

Мы отлично знаем всех наших главных творцов авиационной техники. Знаем всех главных исполнительниц роли девушки с гитарой. И главных форвардов. Но кто назовет имя главного хлебопека в нашей самой хлебной державе? Имя человека, проникшего во все тайны янтарного пшеничного зерна, в котором чудесным образом аккумулировались и энергия солнца, и живительные соки земли, и благородный труд человека.

Здесь мы снова подходим к вопросу о музах. Легкокрылые, полно вам резвиться в заоблачных высях! Спуститесь на землю. И воспойте героев, ныне скромных и незаметных. Героев, которые доставляют людям радость изделием рук и души своей — хлебом насущным.

М. СЕМЕНОВ

Метаморфоза

Построен новый был вокзал,
И при его открытии
Оркестр веселый марш играл
В честь важного события.
Торжествовали неспроста,
Тут было чем гордиться:
Не здание, а красота,
А в нем такая чистота,
Что можно подивиться!
Любая комната светла,
И в люстрах луч играет,
И стены, словно зеркала,
Те люстры отражают.
А главный зал — огромный зал —
При ярком освещении
У пассажиров вызывал
Восторг и восхищение...
И вот начальник держит речь:
— Даем сегодня слово:
Мы будем наш вокзал беречь,
Он вечно будет новым...

То было зимнею порой...
Но отошли морозы.

Промчались вьюги.
А весной —
Увы, метаморфоза!
Совсем вокзала не узнать.
Какие изменения!
На нем старения печать
И знаки разрушения.
Печален, что ни говори,
Невзрачен вид снаружи.
Ну, а внутри!

Вокзал внутри
Еще, пожалуй, хуже!
Не моют там и не метут,
И пауки все ткнут и ткнут,
Их сотня расплодилось,
И пыль на люстрах, на стенах,
Как будто сразу сто нерях
В вокзале поселилось.
В грязи погибла красота.
Что было и что стало!..

А совесть-то у вас чиста,
Товарищ нач.вокзала!

Ал. СОБОЛЕВ

ГОСПРИЖИВАЛКА

СЕМНАДЦАТОГО февраля, в годовщину смерти академика Пал Пальгча, к воротам Новодевичьего кладбища — какая бы ни стояла на дворе погода — подкатывает легковая машина. Из нее выпархивает под траурной вуалеткой, в модной шубке молодая вдова академика Нина Ивановна. За ней бодрым шагком семенит муж вдовы Ян Давидович Княжицкий, солидный, как и положено хозяйственнику, представительный, в прекрасном ратиновом пальто и пыжиковой шапке. В руках у него букет живых цветов, доставленных с юга знакомым летчиком.

Супруги проходят заснеженными тропинками и останавливаются у белого мраморного надгробья. Нина Ивановна, только что оживленно беседовавшая с мужем о каких-то пустяках, умолкает. Ее лицо неузнаваемо преобразается и соответственно моменту выражает безысходное горе. Она силится выдать слезу, впрочем, осторожно, чтобы не смить тушь с ресниц.

Ян Давидович протягивает жене букет. Нина Ивановна в торжественном молчании возлагает цветы на могилу как знак признательности покойному мужу: она очень многим ему обязана!

...Дочь скромного московского парикмахера, Нина Деева окончила после десятилетки педагогические курсы иностранных языков и вскоре вышла замуж за лейтенанта-пограничника. Однако жизнь на далекой заставе ее не прельстила, она предпочла остаться в шумной и веселой Москве, уверенная, что все у нее еще впереди. И она не ошиблась.

Судьба ее решила девять лет назад, после случайной встречи в театральном буфете. Верно, она годилась академику Пал Пальгчу в дочери. Но из-за такой мелочи терять интересное и многообещающее знакомство? Никогда! Нина Ивановна обнаружила удивительное совпадение: она соломенная вдовушка, а Пал Пальгч настоящий вдовец. Каким-то шестым, внеплановым чувством она почуяла, что рядом, совсем близко трепещет крыльями сказочная жарптица. Не упустить бы! Иначе придется

прозябать на лейтенантском аттестате и довольно скромном заработке начинающей преподавательницы английского языка.

Через сорок дней после знакомства Нина Ивановна явилась в дом Пал Пальгча на день рождения его шестилетней дочурки Тасеньки. Явилась в невзрачном пальто с маленьким чемоданчиком, где лежали ученические тетради. Просторная квартира, дорогая мебель, шестилетняя Тасенька, доверчиво прильнувшая к ней, — все очень понравилось. До того понравилось, что Нина Ивановна тут же начисто вытравила из сердца мужа-лейтенанта и больше уж не покидала известного академика.

Медовый месяц длился немногим больше месяца. Пал Пальгч тяжело заболел. Сложная операция не принесла облегчения. Больного неотступно преследовала мысль: что будет с дочерью? Бабушка — мать Пал Пальгча — стара, часто хворает, няня едва ли заменит родителей.

Нина Ивановна чутким сердцем разгадала тревоги Пал Пальгча и заявила, что ради Тасеньки готова на все, готова даже удочерить ее. Благородный порыв молодой женщины, давшей клятву отказаться от личной жизни во имя счастья чужого ребенка, глубоко тронул Пал Пальгча. Он охотно дал согласие на то, чтобы приемная мать его дочери носила его фамилию. Впоследствии в своем завещании он записал: «Я умираю спокойный за Тасеньку. Рядом с ней будет Нина Ивановна. Она педагог и найдет ключ к сердцу ребенка...»

Препоны, возникшие на пути к браку Нины Ивановны и Пал Пальгча, были устранены. Скоростным методом Нина Ивановна заочно оформила развод с мужем-лейтенантом. И столь же быстро зарегистрировала брак с обреченным на смерть

Люстра мощностью в сто КИЛОВАТТ.

академиком. Она торопилась. Еще бы! Чуть промедлишь — останешься при пиковом интересе...

Заветная цель достигнута! Теперь молодая супруга развернула всю скрытые резервы своего разностороннего дарования. Пока муж вел в больнице неравный поединок со смертью, жена поржала по магазинам, портникам, косметичкам, покупала мебель, драгоценности и, разумеется, получала по доверенности Пал Пальгча деньги. Эти поручения она выполняла особенно ретиво и получала деньги раньше срока, опасаясь, как бы вдруг доверенность не утратила силы...

Недуг прогрессировал. Пал Пальгча привезли домой. Он умирал мучительно и страшно. За ним, не зная отдыха, ухаживали старушка-мать, няня и медицинские сестры из академической больницы. А молодая жена?

«С больным сидеть и день и ночь, не отходя ни шагу прочь», было не в ее характере. Прочтешь больному книгу, газету, помочь приподнять грузное тело Пал Пальгча, чтобы поправить постель, уложить его поудобнее, — все это было не по нраву здоровой, цветущей женщине. Она то внезапно заболела ангиной и не подходила к мужу (как бы не заразить!), то, занятая уроками в школе всего восемь часов в неделю, возвращалась домой далеко за полночь.

Окончание на стр. 12.

ГОСПРИЖИВАЛКА

(Окончание. Начало см. на стр. 11).

Зато она была тут как тут, когда академик издал последний вздох. Приличия ради вскрикнула и, закрыв глаза покойнику (как бы он не увидел!), поспешно достала из-под подушки ключи от письменного стола, где хранились ценные бумаги.

На похоронах молодая вдова держалась мужественно и стойко. Правда, когда опустили гроб в могилу, она чуть не бросилась туда же, но ее вовремя удержали.

Чтобы несколько успокоиться и поправить пошатнувшееся здоровье, Нина Ивановна отбыла вместе с дочерью к Рижскому взморью. Но Тасенька стесняла и сковывала приемную мать. Тогда Нина Ивановна запирает девочку на ключ и уходит из дому до утра. А следующим летом в Ялте у нее и вовсе не оставалось времени для дочери.

Молодая вдова искала утешения. Ее дом превратился в фешенебельный салон, где собиралось избранное общество — артисты, адвокаты, летчики, кандидаты наук. Ей льстила слава радушной хозяйки. Но, согласитесь, при свекрови да еще при ребенке, который ревниво и настороженно встречал каждого незнакомого дядю, не очень развернешься.

Нине Ивановне стало тесно и неудобно в двадцатиметровой квартире Пал Пальча. Она разжалобила влиятельных людей. Ей одной предоставили квартиру в срок два метра! Справив новоселье, Нина Ивановна позабыла свою клятву беречь Тасеньку и заботиться о ней. Когда молодой вдове напомнили о завещании Пал Пальча, она искренне возмущалась:

— Я ли не забочусь?! Как можно такое говорить? Академическую пенсию приношу? Пусть скажут спасибо: не будь меня, не видать бы Тасеньке этих денег, как своих ушей.

Действительно, наспех и непродуманно составленная в годы войны, инструкция сохраняла за детьми умерших академиков право на пенсию только при живой матери. Что-то, а законы, охраняющие интересы вдовы академика, Нина Ивановна знала назубок! Она бросила дочь на попе-

чение больной бабушки и няни. Но зато не оставила ни одной тряпки, ни одной безделушки, которые можно было забрать по закону. Она распродала по частям уникальную библиотеку академика, а затем вывезла ореховую спальню (с двумя кроватями!), гостиную карельской березы, три ковра, хрусталь, фарфор, канделябры, люстры. Даже стулья без ножек, даже полумантный стул, и те захватила с собой.

Рыцарскую помощь при перевозке вещей оказал преданный друг Нины Ивановны Ян Давидович Княжицкий. Он не только предоставил три машины, но и сам вместе с вещами переехал на новую квартиру.

...Три года прошло с тех пор, как Нина Ивановна бросила свою дочь. За эти три года она ни разу не поинтересовалась здоровьем, успехами девочки в школе. Ни разу не была на родительском собрании. Почему? В ответ она тяжело вздыхает и горько сетует на свою искаленную жизнь.

На что она намекает? На преждевременную смерть академика? Неужели ей невдомек, что, не заболел Пал Пальч, он наверняка раскусил бы нехитрую натуру стяжательницы и любительницы легкой и бездумной жизни?

Или, быть может, она намекает на свое незавидное положение бедной вдовы? Но ведь государство аккуратно выплачивает ей каждый месяц по две с половиной тысячи рублей! За что? Слово она и в самом деле десятки лет была верной подругой академика, помогала ему в научных трудах и открытиях, вдохновляла его в решающие минуты!

Ничего подобного не было! Жгучая красная стыда не заливают лица Нины Ивановны. Ей ничуть не совестно, что она, молодая, здоровая, полная сил, очутилась в роли приживалки у Советского государства и за шесть лет высосала из народной казны двести тысяч рублей! Мало того, она простить себе не может, что после смерти Пал Пальча прохлопала как «академическая вдова» одновременное пособие в двадцать пять тысяч.

Да и какая, собственно говоря, Нина Ивановна вдова? У нее давно есть муж — Ян Давидович Княжицкий. Правда, зарегистрировать брак она не спешит, так как потеряет тогда даровое денежное довольствие. Две с половиной тысячи рублей на улице не валяются!

ГВОЗДЬ НОМЕРА

Таким гвоздем является обыкновенный, ничем не примечательный гвоздь, длиной 6 сантиметров и диаметром 3 миллиметра. Обнаружил его в банке килек Грозненского консервного комбината читатель Крокодила тов. Куликов из рабочего поселка Явас, Мордовской АССР.

Может быть, тонкие гастрономы комбината решили придать своей продукции особую остроту или приложить гвоздь в качестве зубочистки, — остается тайной производства. Однако, на наш взгляд, гвозди в кильках никак нельзя считать гвоздем кулинарного искусства.

На всякий случай прилагаем этикетку от изысканной закуски. Не спугайте, дорогие читатели, грозненские кильки с другими!

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ СОВНАРХОЗ

КИЛЬКА

БЕЗ РЯДОВОЙ УКЛАДКИ

В ТОМАТНОМ СОУСЕ

У Нины Ивановны сейчас большие хлопоты: как бы сменить свою квартиру и две комнаты Яна Давидовича на четыре комнаты. Ей, безутешной вдове академика, должны пойти навстречу.

...Никто не может запретить даже академику вступить в скороспелый брак. Но почему за это должно расплачиваться государство?

Никто не может запретить вдове посещать по семнадцатим числам февраля Новодевичье кладбище. Но никакими пышными цветами Нине Ивановне не создать себе ореола верного помощника академика и горячо преданной матери его осиротевшей дочери.

Нам скажут, что на стороне Нины Ивановны закон. Но мы сомневаемся, чтобы законодатель имел в виду пожизненное обеспечение таких госнахлебников, как Нина Ивановна.

Е. ВЕСЕНИН

ЧЕТВЕРО В ОСОБНЯКЕ, НЕ СЧИТАЯСЬ С ЗАКОНОМ

Взглянув на это здание, не один родитель завистливо вздохнет и скажет мне:

— Ну почему ты не хочешь, чтобы наш Мишутка ходил в детский сад? Посмотри, в каком дворце он может жить!

И жена, пристыженно отведя в сторону взор, ответит:

— Хорошо. Пойдем в район за направлением.

Все вышеизложенное не вызывает сомнений, как закон Архимеда. А теперь, чтобы оп-

равдать появление на наших страницах этих несвойственных Крокодилу лирических строк, признаемся в невинной изощренности: это мы написали «Детсад».

Во дворце, который вы видите на снимке, проживает семья директора Львовского областного тубдиспансера Э. Беккера. Всего четыре человека!

Для специального обогрева Беккера и его домоладцев в зимнюю стужу оборудована ко-

пелая. Семейное белье стирается в собственной прачечной. Для связи с внешним миром есть селекторная аппаратура. Для связи с природой разбиты две оранжереи и зимний сад.

Почему же все-таки вместо питомцев детского сада в оранжереях и комнатных лабиринтах резвится взрослый доктор Беккер?

Откуда, не знаем, но у Э. Беккера оказался весьма круглый

капитал. Опять же не знаем, каким способом, но магнат местного значения загнипотизировал многих руководителей львовских городских организаций. В результате группового гипноза на стройку персонального особняка хлынули государственные фондовые материалы: древесина, известь, цемент, кирпич, стальные конструкции и водопроводные трубы.

Когда размахнувшийся застройщик попытался перешагнуть границы отведенного ему участка, вмешался городской Совет. Беккеру было категорически предложено... взять разрешение на расширение участка сверх нормы. Ну что ж, с решением еще спокойнее...

Столь же принципиальной и последовательной оказалась и львовская прокуратура. Областной прокурор тов. Науменко решил, что дело о постройке неведомо на какие средства особняка стоимостью в полмиллиона рублей не заслуживает внимания, пусть в этом деле копаются ОБХСС.

А в ОБХСС постановили: «В возбуждении уголовного дела отказать. Следователь Горохов».

На этом дело и закончилось.

К. ЕГОРОВ

г. Львов.

— Целое ведро горяче-го!! Ни за что!.. Надо экономить!

ЗА БАРХАТНЫМИ ПОРТЬЕРАМИ

ЛАУРУ воспевал один Петрарка. Саскию всю жизнь славил Рембрандт. Поклонение этим историческим дамам носило, так сказать, сугубо индивидуальный характер.

К Лонгинозу Стажадзе судьба была более благосклонна: его воспевали коллективом. Во всех жанрах. Всеми стихотворными размерами. Даже гекзаметром, как Елену Прекрасную. Хотя, скажем прямо, облик Лонгиноза не поражал изяществом пластических форм. Но, тем не менее, длиннокудрые поэты, задумчиво перебирая струны лир, исторгали из уст своих сладкозвучные стансы. Знаменитый поэт, нежные рифмы которого девушки шептали в светлые лунные ночи, писал:

В душе немало есть заноз,
Но есть волшебник Лонгиноз —
Волшебник, маг и чародей
Для очень жаждущих людей.
Он рай создал в Москве моей
Могучей волею своей.

Кому же посвящен этот вопль поэтической души? Кем же он был, этот любимец муз, этот журчащий родник вдохновения? Лонгиноз Стажадзе действительно мог вдохновить кого угодно. Ибо он был директором ресторана «Арагви». Есть в Москве такая пиццеторговая точка. Вкусно и очень питательно кормят в этом ресторане. Недаром гурманы всех мастей — от известного тенора до продавца пивного ларька — тянутся в «Арагви», как мусульмане-фанатики в Мекку.

Представьте себе такую картину. Гурман входит в ресторан с блуждающей улыбкой на бледных устах. Его глаза светятся голодным, волчьим блеском. Почтительно, как коран, берет в руки меню. Губы его благоговейно шепчут полные таинственного значения слова: «цыплята-табака», «лобио», «чуреки».

Корректно улыбаясь и склоняя послушный стан, к гурману подбегает официант и деловито записывает в книжечку заказ. За чинными движениями официанта рысьими глазами следят буфетчики Енукидзе и Максимова. Они проверяют, какое впечатление оказывают на гурмана разбавленный сухим вином коньяк и разбавленная водой водка. Тут же, облаченный в джентльменский смокинг, слоняется метрдотель Нефедов, наблюдая за работой своих молодчиков и фиксируя размеры чаевых.

А гурман мирно обглаживает баранью ножку и не подозревает, что его обирают самым бесовским образом. Гурман доволен. Он уходит обобранный и счастливый.

Поздно вечером, когда в залах гаснут огни, за бархатными порттьерами начинают делить настриженную с клиентов шерсть. С мешком в руках стоит заместитель директора по финансовой части Джашкариани. Посочувствуем этому человеку: у него тяжелые обязанности. Легко ли уследить

за пятью десятками официантов и буфетчиков? Каждый так и норовит свою добычу оставить при себе. Гипнотизируя буфетчиков взглядом скалистого питона, Джашкариани заставляет их раскошелиться.

Пересчитывая доходы, Стажадзе с грустью вспоминает далекий нэп. В то золотое время дела владельца ресторанов «Медведь» и «Крыша» шли куда лучше. А нынче не развернешься: хочешь не хочешь, а удовлетворяйся жалким доходишком в 8—10 тысяч рублей в месяц. Разве это настоящий размах для делового человека?

Стажадзе понимал, что уважающий себя человек не будет участвовать в его жульнических проделках, не станет покупать должность, разносить разбавленный коньяк и продавать право на кабинеты. Поэтому основной костяк его младцов-буфетчиков составляли люди с темным прошлым. Но зато эти молодцы безропотно отчисляли денежки в личную кассу Стажадзе. Недаром директорская квартира напоминала аукцион по распродаже антикварного хрусталя и фарфора, которого скопилось здесь на несколько десятков тысяч. Ну, а бережно хранимое золото, бриллианты и девятикомнатный дом в Тбилиси еще ждут своей оценки.

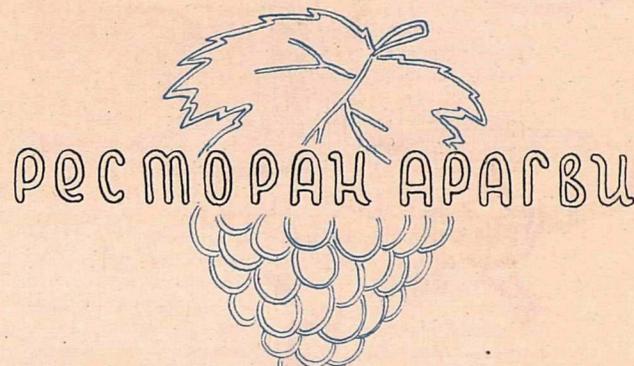
Впрочем, среди арагвийских молодцов есть и люди вполне интеллигентные. Гордится своим образованием инженер-официант Гольд. Фундаментальные знания, вынесенные им из института, очень пригодились: дневные доходы он подсчитывает на логарифмической линейке.

Обслуживая гостей, метрдотель Нефедов деликатно умалчивает, что в лучшие времена ему приходилось носить погоны офицера. Что привело его в «Арагви»? Нужда? Но почтальон каждый месяц аккуратно приносит ему двухтысячную пенсию. И офицер в отставке не гнушается смахивать с ресторанных столиков крошки и резвой рысцей бегать за «хванчкарой».

Если пиджак посетителя оттопыривал тяжелый бумажник, вокруг такого клиента роем вились официанты, а порой этаким жуком тудел и сам метрдотель. Если клиент приходил просто пообедать с друзьями, официанты пронеслись мимо, словно на нем была шапка-невидимка. И сидел этот человек часами, тоскливо озираясь по сторонам и напрасно выделяя желудочный сок. Словом, Стажадзе создал ресторан, рассчитанный не на трудового человека, а на дореволюционного купчика, приехавшего в столицу прокучивать свои миллионы.

На жульнический синдикат под поэтической вывеской «Арагви» со спокойной отеческой улыбкой много лет взирала такая почтенная организация, как Госторгинспекция. Впрочем, сказать, что ее работники не бывали в ресторане, — значит обидеть этих достойных людей. Морозов и Юрьева частенько появлялись в просторных ресторанных залах. Удалялись инспекторы тихие и кроткие, с мечтательной улыбкой на лоснящихся устах.

Да что там Госторгинспекция! Само Ми-

нистерство торговли Грузии — шеф ресторана — смотрело на Стажадзе с обожанием. — Удивительно милый и честный! — с нежностью говорил министр торговли Гвинджилия. — Побольше бы нам таких работяг.

Он рисовал Стажадзе невинно пострадавшим, хотя документы следствия находились в вопиющем противоречии с этим заявлением.

Стажадзе был вне подозрений. Так же, как в свое время были вне подозрений бывшие директора ресторанов «Динамо» и «Северный». Эти дельцы тоже превратили свои заведения в концертные залы с лепными потолками и бархатными порттьерами, где под завывание саксофона обирался доверчивый посетитель.

Почему дельцам удавались их махинации? Ответить нетрудно. Во многих ресторанах узаконены нравы и порядки, чуждые нашему обществу.

В каждом ресторане есть швейцар. Мимо этой фигуры с ластивыми глазами доберман-пинчера и фараоновской бородой пройти невозможно. Он с такой поспешностью распахивает дверь, что руки посетителя невольно тянутся за воздаянием. Клиент и сам бы охотно открыл двери, но почему-то дирекция ресторана поставила в дверях бородатого обирала.

А официанты? Попробуйте не оставить им чаевых! Вас пронзит такой презрительный взгляд, что вы почувствуете себя жалким скрягой, достойным питаться только в закудалой столовой орса. Не удастся вам просто так уйти и от гардеробщика, усердно избивающего вас веником. Он уверен, что и его доля лежит в вашем бумажнике.

Откуда повелась эта глупая традиция? Почему инженер, проектирующий блуминг, не стоит в дверях директора завода с протянутой рукой в ожидании чаевых? Почему машинист курьерского поезда не обходит вагоны с шапкой в руке?

Обветшалые традиции надо ломать. Чтобы этот тезис не повис в воздухе, нужно решительнее освободить торговые организации от людей, подобных Стажадзе.

И берем на себя смелость утверждать, что от этого не станут хуже ни шашлыки, ни прославленные «цыплята-табака». И ресторан, воздух которого не будет пропитан дельчеством и угодливым, станет тем, чем он должен быть: местом, где приятно пообедать, поужинать, хорошо отдохнуть с друзьями, знакомыми и даже — извините за дерзость! — с семьей.

**В. ИВАНОВ,
В. САНИН**

ПРОИСШЕСТВИЯ

ЗАЯВКА НА ЖЕНУ

МОЯ соседка получила письмо, которое с ее разрешения я и предлагаю читателям. Вот оно:

«Здравствуй, дорогая и миленькая Анна Михайловна!»

Пишет вам пусть немного, но знаковый Мартын Гаврилович Лобатов. Во первых строках моего письма прошу извинения, что не имел с вами связи, то есть не переписывался. Это, может быть, и к лучшему: не надоел и теперь могу смело обращаться к вам с моей небольшой, но очень важной для меня и моей дальнейшей жизни просьбой.

Миленькая Анна Михайловна! Прежде чем излагать эту просьбу, поделюсь с вами неприятностью в моей жизни. А именно, моя жена подняла нос и ушла к другому, то есть из своей жизни меня наладила. У нас организуется новый винсовхоз, и приехал агроном. Однажды мы в компании гуляли, и здесь он влюбился в мою жену. А она разом смекнула: пожила с одним — набил сундук добром, поживу с другим — набью другой сундук. Намотала себе на ус и начала подготавливать почву. И вот уже третий месяц, как я с ней не живу. Короче говоря, удовольствие...

Но эта неприятность не убила меня. Конечно, жена моя была молодой, однако вела себя она плохо. Во-первых, у нее была тенденция нехорошей женщины — базарной, во-вторых, ее глотка всегда заглушала мой голос, а сколько слов она говорила в минуту, никакой электронной счетной машине не сосчитать. Какому мужчине, то есть мужу, понравится, чтобы глотка жены, пусть даже молодой, заглушала его голос? Мужчина, то есть муж, — это же голова дома, а по-нашему, единоначалие! Короче говоря, я не стал

хныкать, а сел за стол и написал письма во все концы, где у меня есть знакомые. А самое первое вам, Анна Михайловна.

Теперь о моей маленькой к вам просьбе.

Миленькая Анна Михайловна! Да будет вам известно, мне всего-навсего сорок первый год, и я, пока не поздно, хочу устроить свою жизнь. Мне нужен человек, то есть жена. Посмотрите там у себя соответствующего возраста порядочную женщину — тоже лет сорока. Не так уж точно сорока, можно и сорока двух, сорока трех и даже сорока пяти. Главное для меня не возраст, а ум, то есть женщина должна быть умной.

Особенно прошу вас, Анна Михайловна, серьезно подойти, хорошенько изучить и здорово обдумать все насчет ее характера. Желательно, чтобы женщина была одинокая, то есть удовая. Я люблю, когда человек, то есть жена, довольствуется мужем и не убегают к другому. Я не люблю, если жена повышает голос и заглушает мой. Такая не нужна: была, хватит. Человек, то есть жена, должна быть такой, чтобы все семейные конфликты решать без крика и шума, так как крик и шум никакого толку не дает, а, наоборот, усугубляет.

Когда найдете женщину с подходящим характером для меня, то сразу же заинтересуйтесь и сообщите мне, где она живет — в собственном доме или в коммунальной квартире. Для меня лучше, если в собственном доме. Если же в коммунальной квартире, то смотрите, чтобы имелся участок земли для сада: я ужасный садовод-любитель и без участка не могу. Ведь я на второй год добился винограда — на одном кусту снял пять кистей, на двух — по

четыре. Все это важно для меня, так как я намерен переехать с Дона на побережье, то есть к вам в Сочи или в Туапсе, а могу и в Новороссийск или Анапу. В этих местах и ищите.

Обо мне ей скажите: родных не имею, одинок, в жизни не везет. Однако человек здорового ума, совесть имею, в порядочности разбираюсь, работаю сейчас завклубом, оклад — шестьсот рублей. А так специалист на все руки от скуки: баянист, шофер, автослесарь. Что в руки попадет плохое, выйдет хорошее. Муж получит мировой: драться не умею; если жена будет уважать, то я ее еще больше.

Миленькая, уважаемая Анна Михайловна! Если бы я был на вашем месте, то такому человеку, как я, всегда нашел бы человека, то есть жену, причем порядочную, спокойную, умную. Я надеюсь, что вы, дорогая, поможете моему положению. Как только подыщете подходящего человека, так сразу сфотографируйте и вышлите мне фотокарточку. А я потом вышлю, и мы завяжем связь, то есть переписку. Сперва поговорим письмами, а потом я выведу на очную для свидания.

Еще раз прошу помочь моему положению и жду. Знайте, в обиде никто из вас не будет. А вас, Анна Михайловна, если подберете мне порядочную жену, буду благодарить и уважать как человека, напою пьяной, и будете первой подружкой. Только обязательно подберите мне друга жизни, то есть хорошую, здравую жену.

Немного знакомый Вам М. Лобатов (Мартын Гаврилович).

Мой адрес: Ростовская область, хутор Титов, Лобатов М. Г.»

Письмо доставил И. ЗАЙЦЕВ

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Открыто регулярное движение вертолетов между Симферополем и Ялтой.

На воздушных дорогах.

Таблица умножения

— ЧТО-ТО вы сегодня очень важный, Анатолий Петрович?

— Получил новое назначение. Я теперь заведу отделом изобретательства в одном главке.

— Я очень рад, Анатолий Петрович, что вы в отделе изобретательства. У меня к вам просьба. Мой брат работает мастером на заводе, и он придумал очень интересную деталь для токарного станка. Я хотел бы, чтобы вы заинтересовались...

— А кто-нибудь уже видел ее? Она уже кем-нибудь одобрена?

— Нет, я хотел бы, чтобы вы...

— Чтобы я? Гм... Хорошо! Заинтересуюсь. Но сейчас я очень перегружен. Работы по горло. Пусть ваш брат зайдет ко мне... в начале будущего года. Тогда и потолкуем. Все? Больше у вас нет ко мне никаких вопросов?

— Вот еще насчет моего собственного изобретения.

— А что вы такое изобрели?

— Очень умную штуку. Вот скажите, пожалуйста, сколько будет дважды два?

— Разумеется, четыре.

— А пятью пять?

— Двадцать пять.

— Видите, Анатолий Петрович, как все просто и гениально? Это я изобрел.

— Не понимаю. Что же вы изобрели?

— Как что? Таблицу умножения.

— ?!

— Да, уважаемый! Радуйтесь и благодарите. Ведь тут вам со мной никакой канители, никаких неприятностей. Это изобретение давно проверено, испытано, одобрено и главком и министерством. Никто не осмелится выступить против таблицы умножения. А как страшно, я полагаю, для вас какое-нибудь новое изобретение!

— Все новое страшно, потому что оно новое. Нужен риск, нужна смелость.

— Вот именно!

— Но все же внедрять сейчас таблицу умножения и считать ее вашим изобретением — это смешно, это глупо. Нет, я на это не пойду... А впрочем, надо подумать. Дважды два — четыре. Семью семь — сорок девять. Очень, очень интересно! Надо подумать. Зайдите ко мне. Трижды три — девять. Гениально!

Г. РЫКЛИН

Тайна цвета

Я ОКАНЧИВАЛ художественный институт. Готовился к дипломной работе.

— У вас всегда хорошо получался пейзаж с животными, — сказал мой преподаватель, поглаживая выхолонную эспаньолку. — Я думаю... э... вам лучше всего написать пейзаж. Это будет... э... вполне актуально по теме и расположит членов комиссии в вашу пользу.

Я согласился.

— Возьмите творческую командировку, — посоветовал мой преподаватель. — Поезжайте в деревню. Изобразите нам настоящую корову-рекордистку, вся фигура которой дышит спокойствием и миром. Держайте!

В данном случае у меня не было желания дерзать. Из вежливости я согласился с профессором, а сам отправился в библио-

теку, взял животноводческий атлас и срисовал знаменитую рекордистку Клеопатру. Потом я набросал фон: закрытый, блестящий идеальной чистотой коровник с автопоилками и механическими кормушками, наполненными...

Тут я стал в тупик. Все дело в том, что я никогда не видел силоса. Какого он цвета: бурого, зеленоватого, коричневого? Пришлось отложить кисти в сторону.

Обратился к справочникам. Но нужной справки не нашел. И решил позвонить двоюродной сестре Зое — студентке сельскохозяйственного института, будущему животноводу. Как я сразу не подумал о ней!

— Что такое силос? — повторила она мой вопрос. — А зачем тебе он?

— Я спрашиваю, не что такое силос, а какого он цвета.

— А зачем же цвет силоса? — удивилась сестра.

— Видишь ли, мне силос нужен как деталь фона для пейзажа, для дипломной работы.

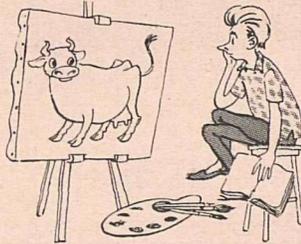
— Нужен для пейзажного фона? Ничего не понимаю!

— Что тут понимать! Повторяю, нужен как деталь фона. И прекрати эту дурацкую привычку переспрашивать!

— Не сердись! Силос — это... — Сестра бойко, словно на экзамене, объяснила, что такое силос, и назвала несколько составов.

— Состав силоса мне известен и без тебя! — раздраженно перебил я сестру. — Скажи лучше, какого он цвета: зеленоватый, бурый или желтоватый?

Наступила длительная пауза. Я чувствовал, что сестра в растерянности.

— Какого он цвета? В учебнике этого, видишь ли, нет. И на экзамене не спрашивали. Постой-ка, у меня сейчас здесь сидят девчата-однокурсницы. Я спрошу, может, они знают...

Я терпеливо жду. В трубку до меня доносятся отголоски везапно возникшего яростного спора. Я даже различаю отдельные фразы:

— Он должен быть бордовым, немного темнее, чем спинки кресел в оперном театре! Ведь в него, говорят, добавляется свекла.

— Ничего подобного! Он салатного цвета. Знаете июньский салат из молодых огурчиков?..

Сестра снова подходит к телефону.

— Знаешь, они толком не знают... Люся видела силос. Но не в цветном киножурнале...

Я вешаю трубку и вытираю вспотевший лоб.

— Черт знает, чему их там учат! — В моей душе просыпается гражданский пафос. — Почти выпускницы! Будущие специалисты!..

Я подошел к мольберту и убрал с холста изображение механической кормушки. Вместо нее я изобразил огромное ведро, полное молока.

Цвет молока не вызывал у меня ни малейших сомнений.

В. ШИРОКОВ

Обмен опытом

МОЙ сосед Коля Иванов, молодой инженер, женился недавно. Жили молодые дружно, и даже на рынок по воскресеньям ходили вдвоем.

Однажды, возвращаясь с рынка, они встретили председателя завкома. Коля вскоре забыл об этой случайной встрече, но у предзавкома память оказалась крепче. Через несколько дней Колю пригласили в завком.

— Вот что, товарищ Иванов, сегодня в заводском клубе проводится тематический вечер «Здоровый брак — здоровая семья». Вам необходимо выступить.

— Мне? — удивился Коля. — В клубе ведь будет выступать лектор. Человек он в этой области знающий, кандидат наук. А я что буду говорить?

— Ничего особенного. Кандидат рассказывает об общих принципах взаимоотношений в семье, а вы поделитесь своим семейным опытом. Так сказать, подкрепите теорию практикой.

— Да нет у меня никакого семейного опыта! Я и женатым-то стал три месяца назад! Какой тут опыт?

— Не скромничайте! — погрозил пальцем предзавкома. — На рынок с женой ходите?

— Хожу.

— Авоську с продуктами носите?

— Ношу.

— Вот и расскажете, к примеру, как помогаете жене по хозяйству. Ведь у нас еще есть такие, что даже ведро воды принести не хотят: боятся свое мужское достоинство уронить.

В конце концов Коля согласился.

Его выступление прошло с большим успехом. После скучной полторачасовой лекции отягощенного познаниями кандидата живое слово неискушенного молодого человека разбудило и расшевелило полусонных слушателей. Колю наградили бурными аплодисментами. Присутствовавший на вечере сотрудник местного радио записал Колю выступление на пленку, и на другой день в специальном выпуске местного вещания «Окажем помощь нашим женам» выступление инженера Иванова передали полностью, без обычных сокращений.

Через день Коля получил приглашение выступить на собрании профсоюзного актива артели «Завязка и подвязка», посвященном мерам по укреплению семьи. Едва он закончил свое выступление в артели, как его попросили приехать в клуб фабрики «Мебельщик» и выступить там на молодежном вечере «За культуру нашего быта».

Приглашения сыпались одно за другим. Коля осунулся, похудел. Он спал теперь меньше четырех часов в сутки: надо было готовиться к выступлениям. После работы Колю обычно уже ждала «Победа» или «Волга», которая отвозила его на очередной вечер...

Я встретил его в прошлое воскресенье. Он шел с рынка один, в руках у него была авоська с продуктами.

— Где же Галя? — спросил я.

Коля горько вздохнул:

— Уехала к матери в Одессу. Говорит, жить так больше не может... Ну, я пойду. Тороплюсь. Сегодня вечером выступаю в клубе угольщиков на молодежном вечере «Построим счастливую семью»...

А. ПЕЧЕНОВ

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRHOV, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 05618. Изд. № 1029. Подписано к печати 18/VII 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 1706. Тираж 1 230 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Всероссийная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1959 г.

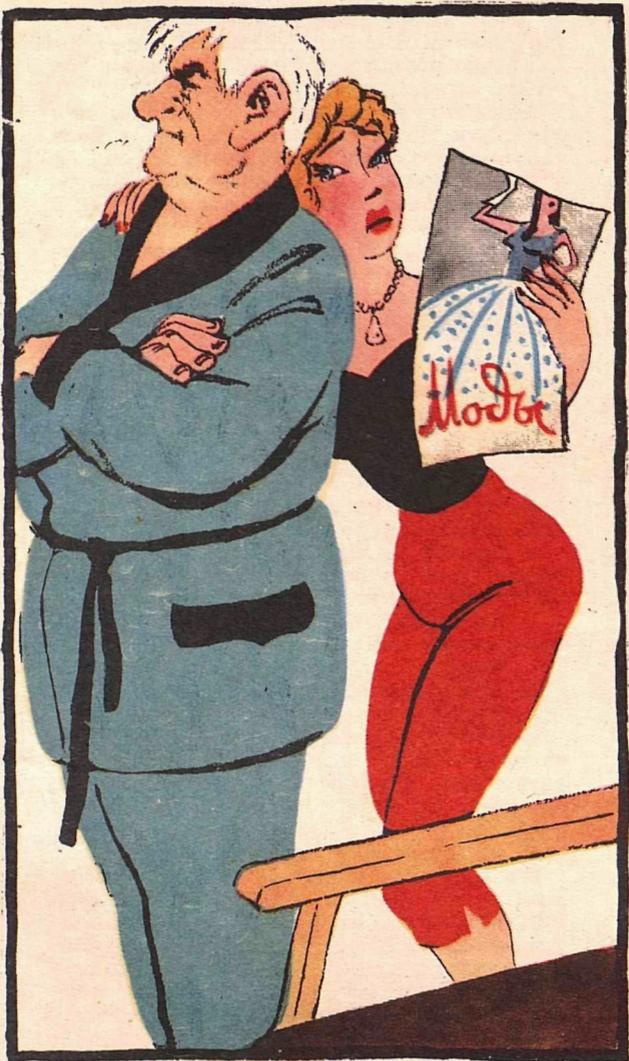
«ДИКИЕ»

Рисунок И. СЫЧЕВА.

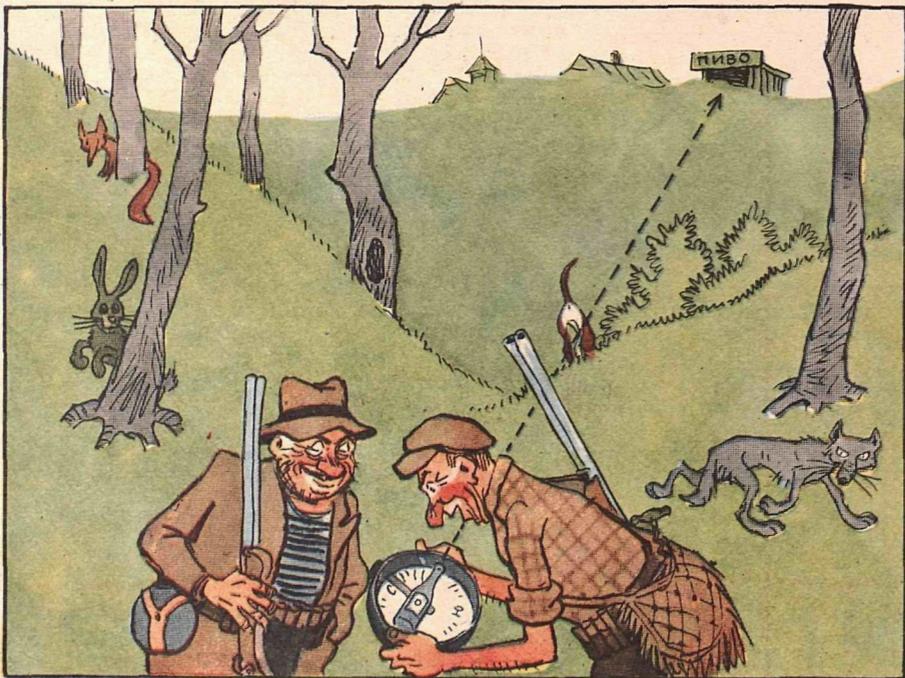
— Чтобы я еще раз поехала с тобой на юг!!.. Никогда!..

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Не скупись, папа, вспомни свое тяжелое детство!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

По азимуту.

Рисунок А. ГОЛУБЕВА (г. Иваново).

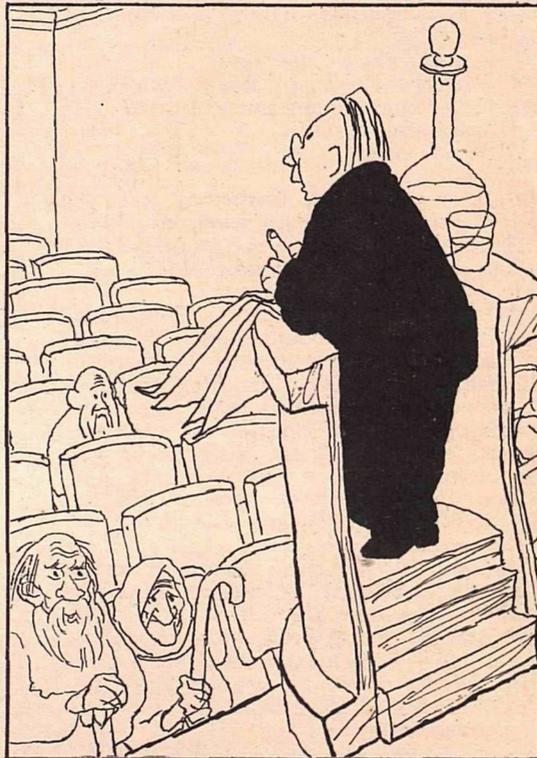
СМЕШНОЙ ВОПРОС

(НА КОМСОМОЛЬСКОМ ВЕЧЕРЕ)

— Вы что застыли у стены!
Не надоело вам томиться!..
Пришли на вечер — так должны
Потанцевать, повеселиться!

Скучать-то честь невелика,
Вы б лучше песню дружно спели!..
Кого вы ждете, в самом деле!!
— Смешной вопрос! Массовика!

Мих. РАСКАТОВ

На лекции «О поведении молодого человека в обществе».

НА ЗАМЕТКУ

— У меня нет губной помады, мне
не в чем пойти на вечеринку.

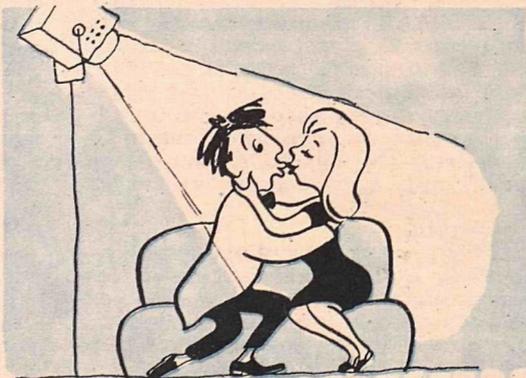
* * *

Он спал с очками на глазах: боял-
ся, а вдруг не разберет, что во сне
привиделось.

А. ПАЛКИН

НА РЕПЕТИЦИИ

Рисунок М. УШАЦА.

— В пьесе сказано: «Целует ей ру-
ку»...
— Простите, я еще не твердо знаю
роль.